

УДК 343.45

ББК 67.408.144.13

Некоторые проблемные вопросы правового регулирования прослушивания телефонных переговоров

А.Е. Чечетин¹, И.Д. Шатохин²

¹Конституционный суд Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

²Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Several Problematic Issues of Legal Regulation of Wiretapping as an Operational-Investigative Measure

A.E. Chechetin¹, I.D. Shatokhin²

¹Constitutional Court of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia)

Освещается ряд проблемных вопросов правового регулирования прослушивания телефонных переговоров при осуществлении оперативно-разыскной* деятельности, анализируется действующее оперативно-разыскное законодательство.

В решении Европейского суда по правам человека по делу «Роман Захаров против Российской Федерации» был сделан общий вывод о том, что российское законодательство, регламентирующее прослушивание телефонных переговоров, не отвечает критериям «качества закона» и не способно ограничить применение негласных методов наблюдения только теми случаями, когда это «необходимо в демократическом обществе». Принятием указанного Постановления Европейским судом по правам человека была поставлена задача приведения правовых норм, регламентирующих прослушивание телефонных переговоров, в соответствие с международными стандартами.

Кроме того, авторами были исследованы решения Конституционного суда Российской Федерации по жалобам граждан на нарушение их конституционного права на тайну телефонных переговоров. Рассматривается проблема судебного надзора за процедурой применения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, без предварительного судебного решения в случаях, которые не терпят отлагательства. С учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации были внесены предложения по совершенствованию законодательных норм и правоприменительной практики.

The article highlights a number of problematic issues of the legal regulation of wiretapping during the operational search activity; analyzes the operative-search legislation.

In the decision of the European Court of Human Rights on the case of "Roman Zakharov v. Russia" a general conclusion was drawn that the Russian legislation regulating wiretapping does not meet the criteria of "quality of law" and is not able to restrict the use of unspoken observation methods only to the cases, when it is "necessary in a democratic society". The adoption of this Decision by the European Court of Human Rights was aimed at bringing the legal norms governing the wiretapping of telephone conversations in accordance with international standards. In addition, the authors examined the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on complaints of citizens on violation of their constitutional right to the secret of telephone conversations. The article examines the problem of judicial supervision over the procedure for the application of operational search measures that limit the constitutional right to the privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraphic and other communications, without preliminary judicial decision in cases that do not tolerate delay. Taking into account the legal positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, proposals were made to improve legislative norms and law enforcement practice.

* Написание слова *оперативно-разыскной* дано в соответствии с современными правилами русского языка. См.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М., 2006. С. 53 (§40). В документах орфография сохранена. — *Прим. ред*

Ключевые слова: прослушивание телефонных переговоров, права личности, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, Европейский суд по правам человека, Конституционный суд Российской Федерации.

DOI 10.14258/izvasu(2017)6-20

Прослушивание телефонных переговоров (далее — ПТП) — одно из наиболее часто используемых из числа предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ). О масштабах его применения свидетельствует официальная статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, по данным которого в 2016 г. российскими судами было рассмотрено почти 610 тыс. ходатайств о проведении ОРМ, связанных с необходимостью ограничения тайны сообщений [1]. В силу своей основанности на ограничении конституционного права на тайну телефонных переговоров и массовости применения правовое регулирование ПТП требует особой точности и полноты. Однако российское законодательство далеко не в полной мере отвечает указанным требованиям, о чем, в частности, можно судить по материалам многочисленных жалоб в Конституционный суд Российской Федерации (далее — Конституционный суд) на нормы Закона об ОРД. Достаточно напомнить, что в одном из первых обращений на эту тему была поставлена под сомнение конституционность процедуры судебного рассмотрения материалов об ограничении права на тайну телефонных переговоров [2]. О нарушении этого права, как показал наш анализ, ставится вопрос в каждой пятой конституционной жалобе на Закон об ОРД.

Но более резонансным и тревожным сигналом о недостатках правового регулирования ПТП стало принятие Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) постановления по делу «Роман Захаров против Российской Федерации», в котором был сделан общий вывод о том, что российское законодательство, регламентирующее ПТП, не отвечает критериям «качества закона» и не способно ограничить применение негласных методов наблюдения только теми случаями, когда это «необходимо в демократическом обществе» [3].

Не ставя перед собой задачи анализа всех обозначенных ЕСПЧ проблем правового регулирования ПТП, остановимся на части из них, которые находят свое подтверждение и в практике Конституционного суда.

Начать можно с замечания, сформулированного в пункте 266 указанного постановления ЕСПЧ, касающегося отсутствия эффективного судебного надзора за процедурой применения ПТП в экстренных случаях. Речь идет о положениях ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, согласно которой в случаях, не терпящих

Key words: wiretapping, rights of the individual, operational-investigative activity, operational-investigative measures, European Court of Human Rights, Constitutional Court of the Russian Federation.

отлагательства и могущих привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, допускается проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, в т.ч. ПТП, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, с обязательным уведомлением суда в течение 24 часов. При этом данная норма обязывает орган, осуществляющий ОРМ, в течение 48 часов с момента начала его проведения «получить судебное решение о проведении такого оперативно-разыскного мероприятия либо прекратить его проведение». По мнению ЕСПЧ, данная норма ограничивает полномочия суда разрешением продления ОРМ лишь на период, выходящий за пределы 48 часов, не обязывая его оценивать оправданность срочной процедуры или принимать решение относительно сохранения или уничтожения материалов, собранных в течение предыдущих 48 часов.

На недостаточную определенность формулировки ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, приводящей к разному пониманию правоприменителями ее смысла, ранее обращалось внимание и на страницах российской юридической литературы [4, с. 29–32; 5, 41–45]. Поводом для научной дискуссии послужило кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г., в котором фонограммы телефонных переговоров, полученные в экстренном порядке в период с начала прослушивания до принятия соответствующего судебного акта, были признаны недопустимыми доказательствами, поскольку в деле имелось разрешение на данное ОРМ лишь с момента вынесения судебного постановления. Такое решение было мотивировано тем, что результаты ПТП, полученные до обращения в суд при обстоятельствах, не терпящих отлагательства, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, также требуют судебного решения о законности и обоснованности их проведения, что в рассматриваемом деле отсутствовало [6]. Поскольку суд, дававший разрешение на проведение ПТП, начатого в экстренном порядке, не вынес решения о законности и обоснованности применения экстренного порядка проведения данного ОРМ в первые 48 часов, то можно сделать вывод, что он истолковал ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД именно так, как это отмечалось в приведенном выше решении ЕСПЧ.

В то же время в указанном судебном акте Верховного суда дано иное толкование положений ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, как предполагающих обяза-

тельность получения судебного решения на 48-часовой период ПТП, проводимого в экстренном порядке по постановлению руководителя оперативно-разыскного органа. Такая позиция впоследствии была подтверждена в рекомендательном документе Верховного суда, в котором разъяснено, что в случае *если на момент обращения в суд осуществление ОРМ прекращено (курсив наш. — А.Ч., И.Ш.)*, то судья в своем постановлении дает оценку законности проведенного ОРМ, а если ОРМ не прекращено, то судья в одном постановлении дает оценку законности проведенного ОРМ и разрешение на его проведение в дальнейшем или отказывает в его проведении.¹

Несмотря на данное Верховным судом толкование положений ч. 3. ст. 8 Закона об ОРД, внесшего, на наш взгляд, ясность в понимание ее смысла, в правоприменительной практике продолжают встречаться факты расширительного подхода к применению рассматриваемого законоположения как допускающего возможность проведения ПТП в экстренном порядке в течение 48 часов без получения судебного разрешения на это, ограничиваясь лишь уведомлением суда о факте кратковременного прослушивания.

Так, в одной из конституционных жалоб описывалась ситуация проведения ПТП в отношении заявителя на основании постановления руководителя оперативно-разыскного органа, дающего на это разрешение сроком на 48 часов с предписанием уведомления об этом соответствующего областного суда. При этом в тексте постановления, не содержащем никакого намека на необходимость последующего получения судебного разрешения, даже отсутствовала какая-либо мотивировка необходимости экстренного порядка проведения ОРМ, несмотря на то что решение об этом принималось в будний день, когда уполномоченный судья должен был находиться на рабочем месте. Полученная в результате 48-часового прослушивания телефонных переговоров фонограмма была представлена следователю и использована в доказывании вины обвиняемого. Жалоба же адвоката на законность проведенного ПТП была отклонена районным судом, который мотивировал свое решение тем, что Законом об ОРД не предусмотрена обязанность суда принимать решение о законности и обоснованности ОРМ, проведение которых прекращено в течение 48 часов [7].

Конституционный суд в своем решении по этой жалобе не согласился с таким толкованием указанной нормы и указал, что проведение ОРМ, ограничивающих конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, без предварительного судебного решения в случаях, которые не терпят отлагатель-

ства, на основании ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД предполагает, после обязательного уведомления об этом суда (судьи), разрешение вопроса об обоснованности ограничения прав граждан при их проведении в порядке, предусмотренном ст. 9 этого Федерального закона. Иное свидетельствовало бы об отступлении от требования, установленного ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, и делало бы бессмысленным уведомление суда (судьи) о проведении ОРМ [8]. Отсюда, на наш взгляд, однозначно следует недопустимость практики использования так называемых «48-часовок», т.е. постановлений руководителя оперативно-разыскного органа о проведении ОРМ в порядке ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД в течение 48 часов без получения последующего судебного решения по результатам проверки его законности и обоснованности. Такое толкование рассматриваемой нормы представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне.

В рассматриваемом постановлении ЕСПЧ серьезной критике была подвергнута судебная процедура выдачи разрешения на ПТП, в ходе которой, согласно его правовым позициям, должны проверяться соответствие запрашиваемого прослушивания требованиям «необходимости в демократическом обществе», соразмерности преследуемым целям и невозможность их достижения менее жесткими ограничительными мерами (п. 260 постановления). По мнению ЕСПЧ, сфера судебной проверки ходатайств о получении разрешения на ПТП в России ограничена, поскольку судье запрещено предоставлять данные о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и тактике проведения ОРМ, что лишает его возможности оценить наличие достаточного фактического основания для подозрения лица в подготовке или совершении преступления (п. 261). ЕСПЧ также отметил, что в Законе об ОРД не содержится прямых указаний для судей о необходимости проверки наличия «разумного подозрения» соответствующего лица и оценке необходимости и соразмерности ограничения его прав в конкретном деле, а правовые позиции Конституционного суда по этим вопросам судами общей юрисдикции не исполняются, поскольку национальное право не обязывает их учитывать, если они сформулированы не в постановлениях, а в определениях. На основе этого был сделан вывод, что в повседневной практике российские суды не проверяют наличие «обоснованных подозрений» относительно соответствующего лица, а также «необходимость» и «соразмерность» ограничения его прав (п. 262–263).

¹ Информация Судебной коллегии по уголовным делам и Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного суда РФ о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-разыскных мероприятий от 5 июня 2014 года № 9/5829

Данный вывод находит подтверждение и в материалах конституционных жалоб, из которых следует, что мотивировочная часть судебных постановлений, как правило, ограничивается констатацией факта наличия у оперативного подразделения неких сведений о причастности проверяемого лица к совершению преступлений. При этом нередки случаи, когда сотрудники оперативных служб вместе с постановлением своего руководителя, содержащего ходатайство на разрешение проведения ПТП, сами готовят и проект постановления судьи об этом. Подобная практика дает повод для утверждений заявителей о формальном характере судебного контроля за проведением ОРМ. В решениях Конституционного суда по такого рода жалобам указывалось, что суд, наделенный полномочием по осуществлению процедуры независимого разрешения вопроса о проведении ОРМ, связанных с ограничениями конституционных прав граждан, не может дать разрешение на ограничение конституционных прав, если не приходит к выводу о необходимости такого ограничения, его обоснованности и законности, а содержание и форма судебных решений должны отвечать общим требованиям, предъявляемым к любым процессуальным решениям, включающим в себя законность, обоснованность и мотивированность [9]. Отсюда следует, что сама по себе предварительная подготовка проекта судебного решения не может расцениваться как незаконная и нарушающая права граждан при условии внесения судьей в окончательный текст постановления своих выводов и аргументов, позволяющих привести его в соответствие с требованиями ч. 5 ст. 9 Закона об ОРД о мотивированности судебного акта. Однако изучение судебной практики свидетельствует, что это условие, как правило, не выполняется, поскольку судьи ограничиваются лишь проставлением своей подписи в представленном проекте постановления.

В числе недостатков Закона об ОРД в указанном постановлении ЕСПЧ отмечено отсутствие обязательных требований к содержанию ходатайств о разрешении проведения ОРМ или постановления судьи, что позволяет, в частности, иногда не упоминать в них фамилии конкретного лица или телефонного номера, подлежащих прослушиванию, давая тем самым чрезмерно большую свободу действий правоохранительным органам (п. 265). О таких же примерно недостатках упоминается и в конституционных жалобах, в которых нарушение прав связывалось с отсутствием законодательных требований к форме и содержанию судебных решений о разрешении проведения ОРМ.

В частности к одному из обращений была приложена копия судебного постановления на проведение ПТП, в котором отсутствовали сведения о лице, чьи телефоны разрешалось прослушивать, и об абонентских номерах телефонов, а вместо них была лишь ссылка на то, что эти данные содержатся в секретном

постановлении инициатора данного ОРМ. При этом само это постановление оказалось недоступно стороне защиты, поскольку не было рассекречено и передано следователю вместе с фонограммами телефонных переговоров. Решение Конституционного суда по этому обращению, к сожалению, не содержит прямого ответа на вопрос о возможности вынесения судом «безымянного» постановления об ограничении конституционных прав личности при проведении ОРМ, поскольку он отказал в принятии этой жалобы к рассмотрению в силу ее несоответствия критериям допустимости. В то же время анализ материалов самого обращения позволяет прийти к выводу, что, несмотря на отсутствие в Законе об ОРД требований к форме и содержанию судебного постановления, это обстоятельство в деле заявителя само по себе не могло обусловить нарушение его прав, поскольку соответствующие сведения содержались в постановлении руководителя оперативно-разыскного органа, которое должно было рассматриваться как составная часть судебного решения на проведение ПТП и подлежало передаче следователю вместе с этим решением и фонограммой. Однако такая форма разрешений на проведение ПТП не предусмотрена ни одним нормативным актом, а потому требует правового закрепления.

Нельзя не согласиться и с замечанием ЕСПЧ по поводу неурегулированности в законодательстве вопроса о допустимости получения судебного разрешения на ПТП всех телефонных переговоров в месте совершения преступления. Близкий этому вопрос о допустимости получения разрешения на ПТП не только по указанным в судебном решении абонентским телефонным номерам, но и по иным индивидуально не определенным номерам поднимался также в одной из жалоб в Конституционный суд. В решении по ней отмечалось, что поскольку право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений принадлежит конкретному лицу, а судебное решение о прослушивании телефонных переговоров также выносится в отношении конкретного лица, ограничение этого конституционного права не зависит от того, по какому телефону ведутся переговоры лица, в отношении которого осуществляется данное оперативно-разыскное мероприятие [10]. Анализ этой правовой позиции в контексте обстоятельств дела заявителя позволяет признать возможным в ходатайстве (постановлении) о проведении ПТП просить суд дать разрешение на прослушивание не только известных абонентских номеров, но и иных, которыми будет пользоваться проверяемое лицо, при условии его обоснования конкретными фактами маскировки противоправной деятельности путем замены SIM-карт либо использования различных телефонов. Однако приведенные условия, на наш взгляд, требуют закрепления в правовых нормах, регламентирующих ПТП.

Положительно оценивая законодательное регулирование продолжительности негласных ОРМ, Европейский суд в рассматриваемом нами постановлении вместе с тем сделал вывод, что положения Закона об ОРД не обеспечивают достаточных гарантий от произвольного вмешательства, поскольку не содержат требования о прекращении ОРМ, когда необходимость в их продолжении отпадает, как это предусмотрено в УПК РФ (п. 251, 252). Соглашаясь с необходимостью дополнения в этой части Закона об ОРД, хотелось бы вместе с тем акцентировать внимание на близкой этому проблеме, связанной с неопределенностью регулирования процедуры продления ПТП, которую не увидел ЕСПЧ, но с которой сталкивается российский правоприменитель.

Дело в том, что установленный в Законе об ОРД шестимесячный срок действия разрешения на ПТП в случаях, когда лица, совершающие преступления, тщательно маскируют свою противоправную деятельность, не всегда оказывается достаточным для решения задач ОРД и оперативно-разыскные органы вынуждены его продлевать, и притом неоднократно. При этом Закон об ОРД не ограничивает количество продлений судебных разрешений на проведение ПТП и их предельных сроков, в отличие от ст. 186 УПК РФ, которая допускает продолжительность контроля телефонных переговоров не более шести месяцев без возможности продления. Это обстоятельство создает условия для злоупотреблений и нарушений прав личности.

Так, из материалов одной из конституционных жалоб следовало, что правоохранительный орган семь раз обращался в суд с ходатайством о получении разрешения на ПТП в отношении одного и того же лица и в каждом случае получал такое разрешение сроком на шесть месяцев, в результате чего общая продолжительность ПТП составила три с половиной года. При этом все судебные решения выносились без учета предшествующих постановлений, в них полностью отсутствовали сведения не только о результатах проводившихся ранее ОРМ, но и о самом факте их осуществления, а потому никакого обоснования необходимости дальнейшего продления сроков начатого ОРМ судебные постановления не содержали [11]. Столь длительное проведение ПТП стало возможным, на наш взгляд, в т.ч. в силу отсутствия каких-либо законодательных ограничений на продолжительность ПТП.

Обобщая судебную практику, Верховный суд по этому вопросу разъяснил, что в случае необходимости продления сроков ПТП орган, осуществляющий ОРД, представляет в суд постановление с ходатайством о необходимости продления срока действия

вынесенного ранее постановления судьи, в котором должна содержаться ссылка на предыдущее судебное решение с указанием срока проведенного ОРМ и его результатов, а также обосновываться необходимость продолжения мероприятия с приложением материалов, подтверждающих указанную информацию. При этом судья в постановлении о разрешении проведения ПТП должен мотивировать необходимость продолжения проведения ОРМ и определить срок его действия². Однако эти рекомендации, как показал приведенный выше пример, выполняются не всегда, а потому процедура продления сроков ПТП нуждается в более детальном законодательном регулировании.

С проблемой продления сроков ПТП сопрягается и вопрос о продолжительности хранения записей таких переговоров. Согласно ч. 7 ст. 5 Закона об ОРД фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания, если служебные интересы или правосудие не требуют иного. Эта норма не вызвала критики со стороны ЕСПЧ в рассматриваемом нами постановлении, которого не убедили доводы заявителя о том, что она позволяет хранение собранного материала свыше установленного ею срока.

Однако анализ содержания данной нормы показывает ее недостаточную определенность, поскольку законодатель не раскрывает используемого здесь понятия служебных интересов и интересов правосудия, позволяющих продлять сроки хранения фонограмм, не устанавливает процедуру и предельно максимальные сроки такого продления, а также механизм контроля за соблюдением этого требования. Указанные недостатки создают условия для произвольно длительного хранения результатов ПТП. Так, в материалах упомянутой выше конституционной жалобы приводились факты использования фонограмм телефонных переговоров, полученных за пять лет до возбуждения уголовного дела, причем в течение этого времени неоднократно выносились решения об отказе в возбуждении уголовного дела, которые впоследствии отменялись [11]. Из материалов другой жалобы следовало, что результаты ПТП в виде справки-меморандума, отражающей содержание телефонных переговоров, по истечении шестимесячного срока после вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела были переданы руководителю органа исполнительной власти для принятия решения об увольнении должностного лица, в отношении которого проводилось ПТП и выносилось указанное процессуальное решение [12]. Приведенные приме-

² Информация Судебной коллегии по уголовным делам и Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-разыскных мероприятий от 5 июня 2014 года № 9/5829

ры свидетельствуют о необходимости более четкого законодательного регулирования порядка и сроков хранения результатов ПТП.

В анализируемом постановлении ЕСПЧ обращалось внимание и на другие недостатки российского законодательства, регулирующего ПТП, которые пока не затрагивались в конституционных жалобах. В частности ЕСПЧ отмечал, что техническое оборудование для обеспечения оперативно-разыскных мероприятий на сетях электро-связи дает правоохранительным органам техническую возможность для прослушивания телефонных переговоров без предварительного получения судебного разрешения, т.е. в обход законной процедуры, что обуславливает необходимость в эффективных процессуальных гарантиях против злоупотреблений (п. 270).

ЕСПЧ сделал также категоричный вывод о том, что в Российской Федерации надзор за законностью проведения негласных ОРМ не отвечает требованиям Европейской Конвенции о независимости надзирающего органа, достаточности полномочий для проведения эффективного надзора и его открытости общественному контролю. Этот вывод был аргументирован, во-первых, тем, что запрет на регистрацию сведений о контролируемых абонентах делает невозможным выявление случаев незаконного прослушивания без судебных разрешений (п. 272); во-вторых, зависимостью Генеральной прокуратуры от исполнительной власти с учетом порядка назначения прокуроров, а также совмещения ею функций по уголовному преследованию и одновременно по надзору за законностью (п. 278, 280); в-третьих, ограниченностью полномочий прокуратуры предметом прокурорского надзора, которому «недоступны данные об агентах спецслужб под прикрытием, а также об используемых ими приемах, методах и средствах» (п. 281); в-четвертых, отсутствием в российском законодательстве требования о немедленном уничтожении материалов, которые были квалифицированы прокурором как полученные незаконно (п. 282); в-пятых, закрытостью результатов прокурорского надзора от общественности и прессы (п. 283). Вывод о недостаточной эффективности прокурорского надзора за законностью ПТП отчасти подтверждают и данные офици-

ального представителя Генеральной прокуратуры РФ, согласно которым прокуроры ежегодно опротестовывают около 70 судебных решений о проведении ОРМ [13], при том что, напомним, их число за этот период превышает полмиллиона.

К недостаткам российского законодательства, регламентирующего ПТП, Европейский суд отнес также отсутствие эффективной системы судебной защиты лиц, которые не могут представить доказательства прослушивания их телефонных переговоров. В то же время лица, чьи телефонные или иные переговоры прослушивались, по российскому законодательству никогда и ни при каких обстоятельствах не получают уведомления о данных мероприятиях, если только против такого лица не возбуждается уголовное дело и полученные в ходе прослушивания данные не используются в качестве доказательств или если не происходит утечки информации. Таким образом, у человека, который лишь подозревает о прослушивании его телефонных переговоров, отсутствуют эффективные средства обжалования (п. 289, 300).

В заключительной части постановления было отмечено, что в российском законодательстве о прослушивании телефонных переговоров отсутствуют адекватные и эффективные гарантии против злоупотреблений и риска превышения полномочий, которые присущи любой системе негласного наблюдения, вследствие чего имеются основания подозревать существование практики незаконных прослушиваний таких переговоров. Признав нарушение ст. 8 Европейской Конвенции, ЕСПЧ обязал Российскую Федерацию выработать общие и, при необходимости, индивидуальные меры по приведению национального законодательства в соответствии с требованиями Европейской Конвенции. Таким образом, Европейский суд в своем постановлении по делу «Роман Захаров против Российской Федерации» фактически поставил перед компетентными органами нашего государства задачу приведения отечественного законодательства, регламентирующего ПТП, в соответствие с международными правовыми стандартами, решение которой требует серьезных усилий специалистов и депутатского корпуса.

Библиографический список

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 года [Электронный ресурс]. — URL :<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> [Дата обращения: 30.04.17]
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Роман Захаров против Российской Федерации» от 04.12.2015 (жалоба № 47143/06) // СПС «Консультант Плюс».
4. Абрамочкин В.В. Проверка судом законности и обоснованности проведения прослушивания телефонных переговоров, начатого в условиях, не терпящих отлагательств // Российская юстиция. — 2014. — № 12.

5. Исмаилов Ч.М. Основания и условия ограничения конституционных прав граждан в ОРД и их соотношение с уголовно-процессуальными: проблемы и перспективы (применительно к розыску безвестно исчезнувших лиц) // Российский следователь. — 2015. — № 17.
6. Кассационное определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2012 № 48-О12-110 // СПС «Консультант Плюс».
7. Архив Конституционного Суда Российской Федерации. — Арх. № 548/15-01/17.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2017 № 568-О // СПС «Консультант Плюс».
9. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.1999 № 18-О, от 24.11.2005 № 448-О, от 21.05.2015 № 1136-О и др. // СПС «Консультант Плюс».
10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2010 № 844-О-О // СПС «Консультант Плюс».
11. Архив Конституционного Суда Российской Федерации. — Арх. № 14412/15-01/15.
12. Архив Конституционного Суда Российской Федерации. — Арх. № 14026/15-01/15.
13. Иванов С.В. Законодательство об оперативно-розыскной деятельности отстает от жизни // Уголовный процесс. — 2016. — № 3.